

народов. Представляется, что было бы целесообразно концентрировать весь имеющийся материал по этому периоду и дать его интерпретацию в отдельной главе. Складывается впечатление, что разработка истории этого наименее изученного периода — актуальная задача ученых, исследующих проблемы становления и развития советской культуры на Северном Кавказе.

Есть и некоторые неточности в датах. Так, на с. 386 говорится о реорганизации в 1968 г. русской труппы театра им. А. Шогенцукова в Русский драматический театр им. А. М. Горького, а на с. 391 утверждается, что театр им. А. М. Горького работает в Кабардино-Балкарии более 45 лет. Очевидно, здесь сказывается нечеткость формулировок.

Рецензируемая книга адресована как советскому, так и зарубежному читателю. Х. И. Хутуев создал политически актуальное, научно аргументированное исследование, представляющее немалый интерес прежде всего для историков, этнографов, а также лекторов, пропагандирующих достижения нашей страны в решении национального вопроса, в развитии многонациональной советской культуры. Эта книга — необходимое звено в создании обобщающего труда по проблемам становления и развития социалистической культуры на региональном уровне — у народов Северного Кавказа, в более широком плане — у народов СССР.

З. К. Гарданов, А. М. Решетов

В. В. Карлов. Эвенки в XVII — начале XX в. (Хозяйство и социальная структура). М.: Изд-во МГУ, 1982. 160 с.

Монография В. В. Карлова посвящена проблеме, привлекающей в настоящее время внимание многих этнографов, — корреляции хозяйства и социальной структуры охотничьих обществ Старого Света. Объектом исследования автор избрал эвенков — народ, у которого, по его выражению, отмечена, пожалуй, «самая совершенная форма кочевой охотничьей культуры, достигнуть которой им позволило одомашнивание оленя» (с. 8). Впрочем, нужно сказать, что рецензируемая работа основана на изучении лишь одной группы эвенков, жившей в Енисейско-Ленском междуречье. Автор исходил из соображения, что «именно по этому этнографическому региону имеются источники — исторические, литературные, статистические, фольклорные и полевые этнографические, позволяющие проследить историю данной группы на протяжении всего периода XVII — начала XX в.» (с. 6). Кроме того именно здесь В. В. Карлов в 1966—1969 гг. проводил собственные полевые наблюдения, позволившие ему существенно дополнить источниковую базу исследования.

Учитывая расселение эвенков на огромной территории, выбор в качестве объекта исследования отдельной эвенкийской группы следует признать вполне оправданным. Но все же автору следовало бы основательнее объяснить, почему он остановил свое внимание именно на енисейских эвенках. Это позволило бы судить о правомерности распространения выводов, полученных при изучении этой группы, на эвенкийский этнос.

В начале работы В. В. Карлов пишет: «С одной стороны, этнографы отмечали у эвенков коллективную собственность на промысловые угодья, довольно четкую родовую номенклатуру, натуральный уклад хозяйства, относительно низкий общий уровень развития производительных сил. С другой стороны, у эвенков существовала, и, вероятно, издавна, индивидуальная собственность на оленей, а родовые связи в хозяйственной жизни к концу XIX — началу XX в. (в момент систематического научного изучения эвенков) оказались утраченными и уступили место соседским. Однако и документы XVII в. не позволяют с определенностью говорить о бытовании в то время родственных коллективистических объединений как производственных единиц» (с. 5).

Эти противоречия и заставили его обратиться ко всему комплексу доступных источников по истории и этнографии эвенков и рассмотреть их социальное устройство в тесной взаимосвязи с условиями и особенностями их материального производства. На этом фоне автор предполагает показать основной социальный организм эвенкийского общества, или, по словам К. Маркса, «определенный общественный организм, общественный субъект, действующий в более или менее обширной совокупности отраслей производства»¹ и существующий в реальной действительности у любого народа во все исторические эпохи.

Известно, что, говоря об основах архаической, или первичной, общественно-экономической формации, К. Маркс назвал таким организмом общины разного типа. Следуя этому подходу, автор рецензируемой работы «стремится выявить и исследовать общину эвенков не просто как структурно-таксономическую единицу общества, а как форму общения или определенный тип отношений людей — первую и основную категорию их социального бытия» (с. 6).

В то же время В. В. Карлов отмечает, что ограничение этим одним, хотя и очень важным, объектом исследования не позволяет получить полного представления о всем многообразии социальных связей в обществе эвенков. Поэтому он считает необходи-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 712.

мым рассмотреть и другие формы связей между людьми, «понять социальную роль различных родственных объединений, их взаимосвязь с общиной, то есть рассмотреть различные структурно-генеалогические образования в системе данного общества как целостности на той или иной стадии его развития» (с. 6).

Исходя из задач намеченного исследования, В. В. Карлов строит план своей книги. Она состоит из четырех глав. В первой дан очерк традиционного хозяйства эвенков. Во второй — анализ их социальной и этнической структуры в XVII—XVIII вв.; структуры и исторического типа эвенкийской общины, патронимических объединений и экзогамных родов, а также племенных этнических общностей. В третьей главе исследуются специфические черты эвенкийской экономики после включения Средней Сибири в состав России. Последняя глава посвящена изучению изменений в социальной и этнической структуре эвенков в составе Российского феодального государства и последующего проникновения в их среду товарных отношений.

При исследовании эвенкийской общины В. В. Карлов не ограничивается выявлением тех или иных формальных признаков (отдельные виды хозяйственной деятельности, требующие кооперации, уравнительное распределение, в иных случаях коллективное потребление части продуктов промысла, формальное наличие рода, терминология родства), которые позволили некоторым из его предшественников (например, А. Ф. Анисимову) безоговорочно выявить в обществе эвенков остатки первобытно-коммунистической формации. В. В. Карлов исследует в первую очередь реальные отношения собственности, многообразные и сложные производственные связи людей, истолковывает факты исторического бытия эвенков, отталкиваясь в первую очередь от анализа специфики социально-экономического фундамента и его изменений за три столетия.

Это позволило автору найти основную конкретно-историческую «ячейку», определяющую целостное бытие эвенков, — кочевую социально-производственную общину, в структуре которой взаимодействовали как родственные (но отнюдь не первобытно-родовые), так и чисто соседские связи и отношения. В ее основе — совместное освоение определенного хозяйственного округа и коллективная собственность на промысловые угодья. Именно эту общину В. В. Карлов рассматривает как сферу разностороннего внутреннего и внешнего социального общения — хозяйственно-экономического, социокультурного, по воспроизводству и социализации ее членов и т. д. Характерными признаками эвенкийской общины были подвижность и непостоянство состава, динамичный характер связей между составляющими ее преимущественно малыми семьями, хозяйственная самостоятельность которых была закреплена наличием собственных оленей (с. 52—55).

Предшественники В. В. Карлова исследовали хозяйственное и общественное устройство эвенков в основном на двух хронологических рубежах, либо основываясь на наиболее ранних архивных материалах XVII в. (С. В. Бахрушин, Б. О. Долгих, Н. Н. Степанов), либо исходя из массового полевого материала, собранного в основном в конце XIX — начале XX в. (А. Ф. Анисимов, Н. П. Никульшин). При этом исследователи не предпринимали изучения социально-экономического устройства эвенков в их динамике на протяжении всех трех веков после вхождения Сибири в состав Российского государства.

В. В. Карлов же задался целью исследовать интересующие его стороны жизни эвенкийского общества в динамике. Это дало ему возможность выявить устойчивые черты эвенкийского общества, которые были присущи ему независимо от влияния внешних факторов, в частности, складывание эвенкийской общины преимущественно на основе территориальных связей, ее открытый характер, и те изменения в жизни эвенков, которые явились результатом воздействия на них Российского феодального государства, а впоследствии и влияния буржуазно-товарных отношений, особенно ясно проявившегося в конце XIX — начале XX в.

Среди последних превращений — заметные изменения в специализации эвенкийского хозяйства под влиянием товарных отношений, в итоге чего уменьшилась роль охоты в получении мясной пищи (основы натурального хозяйства эвенков) и выросло значение охоты на пушного зверя. В этом проявилась зависимость эвенкийской экономики от общероссийского рынка. Итогами названных процессов явились имущественная дифференциация эвенков и выделение верхушки, основывавшей свое положение на владении большими стадами оленей и посреднической торговле с использованием оленевого транспорта. Часть эвенков, лишившаяся оленей, была вынуждена осесть и перейти в основном к рыболовству (главным образом на северных озерах междуречья Енисея и Лены) и к территориально ограниченной пушной охоте или (что встречалось чаще) включиться в территориальные общины, возглавляемые крупными оленеводами, эксплуатировавшими труд безоленных и малооленных эвенков.

Как отмечает В. В. Карлов, «на рубеже XX в. общинные и родственные связи эвенков в целом подверглись сильному разлагающему воздействию товарных отношений и имущественного расслоения; эти процессы привели к ослаблению личностных форм связей внутри общины и укреплению вещных отношений... Наибольшее значение во взаимоотношениях между общинниками стали приобретать их имущественное положение, близость экономических интересов или же экономическая зависимость одних хозяйств от других» (с. 138).

Большое внимание автор рецензируемой монографии уделил также выявлению соотношения территориально-производственной общины эвенков с их патронимическими объединениями, экзогамными родами и общностями племенного типа. Автор охарактеризовал различные социальные и родственные связи членов этих объединений, а также отразившее их традиционное сознание. В итоге он пришел к выводу, что «интеграция племенного типа среди населения территориальных группировок эвенков не

была достаточно четко выраженной. Консолидация племени происходила лишь в исключительных обстоятельствах и была, как правило, лишь коротким эпизодом» (с. 85).

В работе В. В. Карлова немало удачных наблюдений и выводов более частного характера: о месте рыболовства в традиционном хозяйстве эвенков, гипотеза о древности пушной охоты у них и ее возможной роли в расселении тунгусоязычных народов на север, новая трактовка нимата, вывод об отсутствии направленной геронтократии в эвенкийском обществе и т. д.

Все сказанное не означает, однако, что рецензируемая книга лишена недостатков. Из замечаний более общего характера следует указать на не всегда четкое разграничение таких важных понятий, как «состав» и «структура». Некоторые положения автора при формальной справедливости вытекающих из них выводов не всегда подтверждены конкретным материалом. К ним относится, например, мнение о том, что функции общины (производственной организации) и рода (детопроизводственной организации) могли совпадать или не совпадать в зависимости от уровня развития производительных сил и всей системы социально-экономических связей общества (с. 25). Не вполне верным представляется мнение автора об отсутствии у эвенков конфликтов из-за территории. Если подобные конфликты были довольно редким явлением внутри эвенкийского этноса (хотя и возникали, как отмечает сам В. В. Карлов, при более крупных этнических перемещениях — на уровне племен), то с иноэтничными соседями эвенков они вполне могли быть. Так, и фольклор, и документальные источники содержат достаточно много сведений о войнах, которые вели аборигены с тунгусоязычными пришельцами (в частности, на Таймыре).

В целом же рецензируемая работа, несомненно, удачна и вносит вклад в этнографическую науку.

Ю. Б. Симченко